

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

IAN TATTERSALL and ROB DeSALLE

THE ACCIDENTAL HOMO SAPIENS

Genetics, Behavior, and
Free Will

PEGASUS BOOKS
NEW YORK LONDON
2019

ИЭН ТАТТЕРСОЛ
РОБ ДЕ САЛЛЬ

ЧЕЛОВЕК НЕОЖИДАННЫЙ

Генетика, поведение
и свобода выбора

Издательский Дом ЯСК
Москва
2023

УДК 572.1/4
ББК 28.71
Т 23

Таттерсол И., Де Салль Р.

Т 23 Человек неожиданный: генетика, поведение и свобода выбора / Пер. с англ. Н. Пахмутовой. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. — 232 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-907498-17-4

Книга Иэна Таттерсола и Роба Де Салля посвящена вопросам эволюции человека, биологической и культурной. Опираясь на сведения из таких областей, как палеоантропология и биология, математическая статистика и генетика, авторы демонстрируют неоднозначность и сложность становления *Homo sapiens* как вида. Неотъемлемой частью этого процесса является процесс самопознания, инструментарий которого растет от столетия к столетию. Избегая однозначных выводов, авторы вводят читателя в круг проблем, которые пытается разрешить современная наука о человеке. Для широкого круга читателей.

**УДК 572.1/4
ББК 28.71**

*В оформлении переплета использована
работа Николая Новикова «Убийство рыбы» (1975)*

The Accidental Homo Sapiens: Genetics, Behavior, and Free Will
Copyright © 2019 Ian Tattersall and Rob DeSalle
First Pegasus Books edition April 2019
All rights reserved.

ISBN 978-5-907498-17-4

9 785907 498174 >

© 2019 Ian Tattersall and Rob DeSalle
© Н. Ю. Пахмутова, перевод,
примечания, 2023
© Издательский Дом ЯСК, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

От переводчика	9
Предисловие	11
Пролог	14
Глава I. Гены, эволюция и график нормального распределения . .	20
Игра в «Лего»	22
Догма, кодексы и правила	26
Очень краткий курс генетики	29
Наследование и окружающая среда	35
В чем преуспел Дарвин?	40
Бросить кости	45
Нормальные распределения	47
Что нам может сказать график нормального распределения? . .	51
Назад к генам	55
Вероятность и эволюция	58
Глава II. Наука и поведение: между простым и сложным	62
Зерно для помола	64
Существует ли ген эгоизма?	67
Квадранты и сложность	70
Найди Уолдо	73
Старательское счастье	81
Рост и черты лица	83
Нормы	87
Глава III. Возникновение человеческого когнитивного стиля . . .	94
Древние приматы	95
Древнейшие гоминиды	97
Австралопитеки	102
Древнейшие создатели каменных орудий	107
Как ранние гоминиды «думали»	111

Древнейший <i>Homo</i>	113
Гейдельбергский человек	120
Неандертальцы	125
Происхождение <i>Homo sapiens</i>	132
Стать человеком	139
В начале было слово	143
Глава IV. Гены, люди и поведение	147
Социобиология	148
Собрано на коленке	152
Это всё гены. Или не гены?	156
Религия	157
Этическое поведение	162
Война и агрессия	164
Политика	168
Сексуальное поведение и идентичность	173
Экономика	177
Интеллект	180
Глава V. Свобода выбора	184
Взгляд назад	185
Взгляд вперед	191
График нормального распределения и человеческое условие	200
Смещение кривой	203
Примечания и библиография	216
Указатель	230

*Авторы посвящают эту книгу своим родителям,
ушедшим и живущим: Гизеле и Тэту
и Грейси и Бакету. Мы благодарны за то,
что они открыли нам ценность критического мышления
и умение корректно отстаивать свое мнение.*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод книги Иэна Таттерсола и Роба Де Салля «Человек неожиданный», которую вы держите в руках, был непростой задачей. Начну с названия. Собственно, называется книга «The accidental *Homo sapiens*» («Человек случайный»), но я перевела название именно так, чтобы избежать неприятных или слишком вульгарных коннотаций. С чем же это связано? Есть знаменитое стихотворение Алексея Константиновича Толстого «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме». С одной стороны, он критикует нигилистически настроенную молодежь, склонную видеть в учении Дарвина орудие антирелигиозной пропаганды и основание для аморального поведения:

*От скотов нас Дарвин хочет
До людской возвесть средину —
Нигилисты же хлопочут,
Чтоб мы сделались скотины.*

С другой — указывает председателю цензурного комитета на очевидную абсурдность спора о путях Божьего творения, которое принадлежит метафизике и не может быть обсуждаемо как естественнонаучный вопрос:

*Способ, как творил Создатель,
Что считал Он боле кстати —
Знать не может председатель
Комитета о печати.*

Стоит отметить, что задача авторов «Человека неожиданного» и сложнее, и проще, чем у А. К. Толстого. Защищать Дарвина от религиозной цензуры им не нужно, а существование метафизической стороны «человеческого условия» они отрицают априорно. Их критика обращена лишь к современным нигилистам: крайним редуccionистам, присвоившим себе единоличное право судить о сущности человека «с научной точки зрения» и с теми же оргвыводами, что были у нигилистов позапрошлого столетия.

В рассуждениях авторов, относящихся к социально-политическим вопросам, к вопросам гендера и сексуальной ориентации, есть некоторые лакуны, которые может отметить внимательный читатель. Я склонна отнести их на счет своеобразного этикета, сложившегося среди западных ученых. Русскому читателю, в меньшей степени ограниченному культурной политкорректности, эти этикетные особенности хорошо заметны. Менее заметные отсылки к питающим авторское мировоззрение философским системам переводчик, в меру своего разумения, привел в сносках.

Пояснения, относящиеся к вопросам генетики и биологии, составлены научным консультантом издания, Ларисой Николаевной Сивичкой, чья помощь была совершенно неоценимой при переводе.

Надеюсь, что отмеченные недостатки, включая и погрешности перевода, не станут препятствием для восприятия тех здоровых идей и полезных сведений, которые содержит книга.

Н. Пахмутова, 27 мая 2021 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Созданье, чье двусмысленно начало,
Ум сумрачен и дикость величава...
Судитель правды, что в ошибках грешен:
Загадка мира, слава и насмешка!*

Александр Поуп,
«Опыт о человеке. Послание II»
Перевод Н. Пахмутовой

Человеческие существа всегда будут непостижимой загадкой. В этом утверждении нельзя не увидеть некоторой иронии, поскольку люди — представители единственного в мире вида, способного на себя оглянуться, и загадкой они будут исключительно для себя же.

Представители *Homo sapiens* в буквальном смысле выбиваются на фоне многих миллионов других живых видов, населяющих земной шар. Причин тому множество, но преимущественно это происходит благодаря необычно прямой осанке. Однако ни одна из наших физических особенностей не сбивает нас самих с толку больше, чем гораздо более эфемерное свойство: способ, которым мы обрабатываем информацию. Наш диковинный когнитивный стиль отделяет нас от остальной природы не только благодаря способности понимать и осваивать мир, в котором мы живем, но и благодаря способности фабриковать редуционистские истории об этом и верить им. В последние годы некоторые из этих историй несут соблазн исключительно пагубный, напрямую относя наше поведение на счет генов. Таким образом, с нас неявно снимается ответственность за некоторые из наиболее причудливых и безответственных наших поступков, при этом заслуга поступков более достойных у нас отнимается. Такое отпущение грехов может выглядеть облегчением для представителей вида, вечно одержимого внутренними противоречиями в оценке большей части своих деяний. Но отпущение это происходит за счет небрежения сложным разнообразием известных нам о предмете научных

фактов; в том числе небрежения и тем замечательным фактом, что, в отличие от представителей всех остальных живущих ныне видов, именно люди способны делать выбор.

Случилось так, что эта книга стала плодом сотрудничества, которое длится уже более десяти лет, с тех пор, как мы стали совместно курировать Шпитцеровский зал происхождения человека в Американском музее естественной истории¹. Еще тогда мы разделяли озабоченность тем, как заманчивы для публики в ущерб научной точности редуccionистские рассказы о сущности и происхождении человека.

И вот перед вами наша попытка взглянуть на взаимосвязь между генами и поведением человека и поместить эволюцию человеческого вида на общее полотно знаний об эволюции жизни. Ибо становится все более очевидным, что, каким бы поразительным ни был результат, — а *Homo sapiens*, безусловно, обладает поразительными качествами, — процесс, в результате которого он появился, был совершенно рутинным и ничем не примечательным в рамках великой системы жизни, существующей на нашей планете. Наша эволюция, как мы надеемся показать, была скорее чередой случайностей, чем историей совершенствования через приспособление к среде. Только осознав этот факт и отбросив соблазнительные истории в духе адапционизма, мы когда-нибудь сможем досконально разобраться в том, к чему мы пришли по итогам эволюции.

Авторы постарались сделать всё возможное, чтобы понять, как мы, современные люди, стали столь необычными и противоречивыми существами, и объяснить, как и почему мы будем таковыми оставаться. Попутно мы также коснемся вопроса о том, какими мы не стали и не станем.

Ибо, хотя наш вид *Homo sapiens* далек от полного совершенства, он также не является биологическим проектом в разработке, по крайней мере в нынешних демографических условиях. Какими бы нам ни было суждено стать, определяться это будет не биологической трансформацией, а бурным культурным развитием, не имеющим прецедентов в истории.

Этот вид развития не скован наследием биологического прошлого, — хотя, как ни парадоксально, направлять его мы можем, похоже, лишь в очень малой степени. Но всё же (как мы надеемся показать),

¹ Зал создан на средства известного мецената, строительного магната Бернарда Шпитцера (1924–2014). *Здесь и далее примечания переводчика.*

человечество способно избежать того, чтобы окончательно сесть в лужу.

Эта книга никогда бы не увидела света без чутья и энтузиазма Джессики Кейс, нашего редактора в издательстве «Пегасус Букс», и нашего агента Дона Фера. Благодарим вас обоих, а также Джейн Исей и Мишель Пресс, которые были авторам надежным источником мудрости и опорой в усилиях по распространению нашей науки. Мы благодарны Меган О’Брайен за деликатное редактирование текста, Рите Мадригал за тщательную корректуру и Марии Фернандес за изящный вид книги и профессионализм в соблюдении сроков и связности проекта. Мы глубоко признательны Кайле Юнкин, Джею Маттернесу, Диане Саль и Кену Моубрею за создание элегантных иллюстраций; и, как всегда, мы выражаем любовь и признательность нашим женам, Жанне и Эрин, за их поддержку и терпение.

ПРОЛОГ

В романе «Воздушные змеи», действие которого происходит в Европе во время Второй мировой войны, среди ужасов нацизма, румынско-французский писатель Ромен Гари точно описывает главное противоречие, с которым сталкивается человек: «...бесчеловечность — часть человеческого». И в качестве завершающего штриха Гари прибавляет: «Пока люди не признают, что бесчеловечность присуща человеку, они будут жертвами благонамеренной лжи»¹. Тому, кто вопреки всему способен верить в способность человечества к совершенствованию, мнение Гари о *Homo sapiens* может показаться слишком уж безжалостным.

Но беспристрастный взгляд на историю не оставляет большинству из нас сомнений в неизменной точности наблюдения, сделанного писателем. Конечно же, за время своего пребывания в должности *Homo sapiens* прославился практически неисчерпаемым списком в высшей степени замечательных достижений.

Но нельзя отрицать и того, что перечень несчастий, которые наш вид навлек на себя и на мир в целом, также достаточно длинен, чтобы признать правоту Романа Гари: «бесчеловечность» столь же правдивое определение для рода человеческого, как и «человечность». Наверное, точнее будет сказать, что любая адекватная характеристика нашего вида требует обоих антонимов.

Интересно, что такое противоречивое определение применимо как на уровне отдельного человека, так и на уровне вида в целом. Зная, что кто-то принадлежит *Homo sapiens*, мы можем сказать, что он или она является прямоходящим двуногим с умелыми руками и большим мозгом. Но при этом мы ничего не можем сказать о том, какой человек он или она. Ведь в пределах вида или даже в одном квартале можно найти людей, которые соответствовали бы любой паре поведенческих противоположностей, какие только можно придумать: праведников или эгоистов, щедрых или прижимистых, мстительных или

¹ Цитата дана в переводе Е. Штофф.

незлопамятных, мудрых или легковверных, кротких или гневливых, энергичных или ленивых. На деле любой из нас может вмещать противоположные качества в один и тот же день, ибо каждый человек — клубок противоречий.

Если брать крайние случаи таких противоречий, можно вспомнить консервативных политиков, которые публично выступают против распутства и репродуктивного выбора — и тут же отправляют своих любовниц на тайные аборты; пастырей, которые проповедуют добродетель и при этом развращают детей; подверженных депрессиям артистов-комиков, которые кончают самоубийством. И более того, такое противоречивое поведение проявляют все люди без исключения, хотя обычно и в меньшем масштабе. Автор аннотации, размещенной на суперобложке книги о Джеймсе Босуэлле², друге и биографе Сэмюэля Джонсона, описал его следующим образом: «любящий муж и отец, разгульный блудник, добросовестный юрист, шут-выпивиха; писатель скучных нескладиц и автор одной из лучших биографий на английском языке». Не всех можно охарактеризовать подобными весьма экстравагантными дихотомиями, но в каждом из нас эти или подобные слова вызовут отклик, пусть совсем слабый.

Именно эта парадоксальность природы людей, то что определяет нашу человечность и что философы называют «человеческим условием» или «человеческой ситуацией»³, сводит с ума своей неуловимостью. Главная ирония заключается в том, что как раз тому единственному (насколько нам известно) виду, который мучительно озабочен задачей определения своей сущности, труднее всего это сделать. Конечно же, нельзя отрицать, что мы имеем большую общую часть когнитивного, а также физического и геномного устройства не только с нашими ближайшими родственниками в живом мире, человекообразными обезьянами, но и с огромным множеством таксономически расходящихся жизненных форм за пределами этого семейства.

² Джеймс Босуэлл (1740–1795) — шотландский писатель и мемуарист, литературная слава которого основана на двухтомной «Жизни Сэмюэля Джонсона», биографии Сэмюэля Джонсона (1709–1784) — английского литературного критика, лексикографа и поэта.

³ Человеческая ситуация или человеческое условие (франц. *La Condition humaine*, англ. *Human condition*) — междисциплинарное понятие, описывающее условия человеческого существования, включающие такие ключевые события и ситуации, как рождение, взросление, эмоциональность, устремления, конфликты и смерть.

Тем не менее мы обладаем выдающимся отличием, касающимся того, как обрабатывается информация в нашем сознании. Это отличие коренным образом изменило правила, по которым мы взаимодействуем с остальным живым миром (и друг с другом, если на то пошло). Собственно, этому отличию и тому, как мы его приобрели, и посвящена эта книга.

Как эволюционные биологи, мы остро осознаем, что люди теснейшим образом связаны с биосферой нашей планеты: исторически мы в родстве со всеми зримыми и незримыми живыми существами вокруг нас. В конце концов, мы — живые организмы. Но также очевидно, что мы, люди, устраиваем наши дела в мире качественно иным и единственным в своем роде образом; что существует глубокая, хоть и узкая, поведенческая пропасть между нами и всеми другими живыми существами, включая даже ближайших наших родственников — человекообразных обезьян. Столь разительное отличие от других нам сообщает овладение символами. Иными словами, насколько мы знаем, в отличие от любых других существ, мы претворяем опыт нашего внутреннего и внешнего миров в словарь ментальных символов.

Затем мы можем мысленно комбинировать и рекомбинировать эти символы в соответствии с правилами, чтобы произвести новые картины этих миров. На следующих страницах мы обрисуем эволюционные и геномные механизмы, благодаря которым возникло это уникальное отличие, и кратко перескажем длинную и увлекательную историю того, как мы его приобрели. Мы также попытаемся понять — ради блага читателя и собственного — почему представители нашего вида так часто ведут себя странно, при этом всегда оставаясь узнаваемо человеческими, — по крайней мере, в понимании этого слова Роменом Гари.

Мы, разумеется, далеко не первые, кто самонадеянно пытается объяснить, что же составляет отличие человека от других живых существ. Философы, драматурги и поэты тысячелетиями стремились определить, если не объяснить наше странное переживание самих себя. Случилось так, что с постепенным изменением литературных вкусов именно романисты, такие как Ромен Гари, например, за предыдущие два века превзошли всех прочих в умении характеризовать уникальный человеческий опыт. В последнее время пальму первенства с романистами разделили кинорежиссеры, хотя и те, и другие неизбежно улавливают лишь отрывочное видение фрагментов этого опыта.

Конечно, романисты могут позволить себе свободную игру воображения. Ученые, которые занялись вопросом относительно поздно,